

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 1 / 2025, Vol. 5, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82-32

¹ Коновалов А.А., ¹ Петрова А.А.

¹ Московский педагогический государственный университет

Образ эмигранта в творчестве прозаиков второй волны русской эмиграции (на примере творчества Л. Ржевского, С. Голлербаха, Р. Берёзова)

Аннотация: в статье представлен анализ прозы крупнейших авторов второй волны русской эмиграции Л. Ржевского, Р. Берёзова, С. Голлербаха. Целью данной статьи является исследование варианта реализации русского национального характера в прозе второй волны русской эмиграции. В статье исследуются крупная и малая проза наиболее ярких представителей своего периода, были выбраны произведения разной жанровой модификации для более органичной репрезентации, опирающейся в первую очередь на автобиографизм повествования как основополагающий художественный прием. В исследовании применяются биографический и сравнительно-типологический методы исследования. Эволюция становления образа эмигранта рассматривается на примере творчества крупнейших авторов второй волны Л. Ржевского, С. Голлербаха и Р. Берёзова. Авторами статьи отмечается типологическая общность образов героя-эмигранта, героя-интеллекта и героя-изгнанника. Работа выделяет ключевые черты героев-эмигрантов второй волны – их внутренний конфликт и стремление сохранить связь с Родиной в условиях вынужденной эмиграции.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, вторая волна эмиграции, образ эмигранта, национальный характер

Для цитирования: Коновалов А.А., Петрова А.А. Образ эмигранта в творчестве прозаиков второй волны русской эмиграции (на примере творчества Л. Ржевского, С. Голлербаха, Р. Берёзова) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 1. С. 51 – 61.

Поступила в редакцию: 23 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 06 января 2025 г.; Принята к публикации: 29 января 2025 г.

¹ Konovalov A.A., ¹ Petrova A.A.

¹ Moscow Pedagogical State University

The image of an emigrant in the works of prose writers of the second wave of Russian emigration (based the works of L. Rzhevsky, S. Gollerbakh, and R. Berezov)

Abstract: the article presents an analysis of the prose by major authors of the second wave of Russian emigration – L. Rzhevsky, R. Berezov, and S. Gollerbakh. The aim of this study is to explore the manifestation of the Russian national character in the prose of the second wave of emigration. The article examines both major and minor prose by the most prominent representatives of this period, selecting works of various genre modifications to provide a more comprehensive representation primarily grounded in autobiographical narrative as a fundamental artistic technique. The research employs biographical and comparative-typological methods. The evolution of the emigrant image is analyzed through the works of leading authors of the second wave – L. Rzhevsky, S. Gollerbakh, and R. Berezov. The authors of the article highlight the typological similarity of the images of the emigrant-hero, the intellectual-hero, and the exile-hero.

Keywords: *consciousness in teaching, phraseological linguistic units, psychological intellectualism, formalism in pedagogy*

For citation: Konovalov A.A., Petrova A.A. The image of an emigrant in the works of prose writers of the second wave of Russian emigration (based the works of L. Rzhnevsky, S. Gollerbach, and R. Berezov). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (1). P. 51 – 61.

The article was submitted: December 23, 2024; Approved after reviewing: January 06, 2025; Accepted for publication: January 29, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена необходимостью изучения культурных и исторических процессов XX века через призму литературы второй волны русской эмиграции. Произведения авторов эмиграции позволяют осмыслить особенности русского национального характера, внутренние конфликты интеллигенции и судьбы эмигрантов, что важно как для понимания прошлого, так и для анализа современных проблем идентичности и культурного взаимодействия.

Цели и задачи исследования состоят в анализе и освещении вопросов реализации русского национального характера в прозе второй волны русской эмиграции на основе произведений Л. Ржевского, Р. Березова и С. Голлербаха. В рамках исследования акцентируется внимание на особенностях отображения в литературе внутреннего мира героев-эмигрантов, а также на способах художественного воплощения авторского жизненного опыта через автобиографические элементы. Автобиографические элементы в прозе писателей второй волны не только усиливают достоверность повествования, но и превращают героя-эмигранта в зеркало эпохи, отражающее трагизм эмиграции и поиск нового смысла жизни. Русский национальный характер рассматривается как сложный феномен, включающий в себя такие компоненты, как культурное наследие, духовные и нравственные ориентиры, а также влияние исторических и социальных реалий на восприятие героев.

Особое внимание уделяется психологическим и социальным аспектам внутреннего конфликта героя, вызванного эмиграцией и утратой связи с родной культурой. Через сравнение жанровых и стилистических особенностей произведений исследуемых авторов выявляются индивидуальные подходы к интерпретации эмигрантского опыта, а также влияние автобиографического опыта писателей на создание художественных образов. Таким образом, исследование типологических сходств и различий в изображении героев-интеллигентов, их нравственных выборов и способов самоидентификации позволяет раскрыть глубину образа эмигранта и обнаружить в нём черты национальной идентичности.

Все перечисленные аспекты рассматриваются в неразрывном единстве с художественными методами, что позволяет глубже понять значение автобиографизма и национального самосознания в творчестве писателей второй волны эмиграции.

Судьба русского человека за рубежом – одна из распространённых тем русской литературы, берущая начало в памятниках паломнической литературы, начиная с ещё домонгольской и Московской Руси. С тех пор традиция изображения жизни на чужбине претерпела существенные изменения. В Петровское время жанр хождений (хождений) трансформировался в автобиографические записки и путешествия, Век Просвещения оставил нам обстоятельные отчёты-рассуждения мемуарного характера, подобным образом описывалась жизнь русского человека за рубежом и в XIX веке. Несмотря на множество отличий в основе сочинений о человеке на чужбине на протяжении многих веков лежало отражение авторского мировоззрения, раскрывающееся через внимательное описание зарубежных земель и нравов в сопоставлении с русскими характерами и действительностью.

Переход от XIX к XX веку ознаменовался значительными переменами в социальной и политической жизни, что не могло не отразиться в литературе. Тема жизни за границей, ранее рассматривавшаяся преимущественно через призму путешествий, в XX веке приобрела новые смыслы, связанные с трагизмом вынужденной эмиграции. Так, XX век с его идеологическими схватками сильно изменил традицию изображения жизни на чужбине на всех уровнях художественного текста: изменились сюжеты, системы образов, мотивные комплексы. В центре внимания авторов прошлого века судьба человека, не просто временно оказавшегося за пределами Родины, а лишённого её по идеологическим причинам. Однако сопоставление с привычной российской действительностью, ушедшей для эмигранта в прошлое, остаётся основой большинства произведений авторов Русского зарубежья. Эмиграционные процессы в России XX века – сложная проблема, и в начале XXI столетия занимающая умы историков, философов, культурологов, психологов, социологов и др. Изучение художественной литературы помогает рассмотреть её комплексно и системно,

поскольку художественное произведение отражает не только само историческое событие, но и внутреннее восприятие непосредственного его участника, позволяя всесторонне рассмотреть проблему человеческого характера.

Безусловно, писатели, оказавшиеся за пределами Родины, неоднократно обращались к прожитому опыту, чтобы отразить происходящие изменения на страницах своих произведений: жизнь в эмиграции становится одной из центральных тем для большинства авторов-эмигрантов [1, с. 393]. Так, исторический контекст модифицирует образ паломника и создает особый тип литературного героя, воплощающий героя-изгнанника, вынужденного отказаться от своей прошлой жизни и надежды на возвращение к ней. Однако, даже будучи оторванным от Родины, такой герой постоянно возвращается к ней в своих воспоминаниях, по-прежнему сопоставляя новую жизнь с жизнью прошлой. Герой-изгнанник несет в себе узнаваемые черты русского национального характера: доброту и сострадание, свободолюбие и одновременно покорность обстоятельствам, веру в Бога, а также бесконечную всепрощающую любовь к покинутому дому. А.И. Балабан на примере творчества писательницы первой волны эмиграции Ирен Немировски выделяет «два тематических конструкта образа эмигранта в художественных произведениях: герой-жертва, не сумевший найти своего места в новом обществе, и герой-разрушитель, выбранный им путь ассимиляции оказывается губительным, как для него самого, так и для окружающих» [4, с. 916].

Мы можем говорить, что в творчестве прозаиков второй волны эмиграции представлены оба типа, следовательно отражающие разные способы принятия действительности эмигрантами, однако выбранная модель поведения диктуется обостренным чувством патриотизма, что ещё раз доказывает, что данный центральный персонаж русской эмиграции является одним из воплощений русского национального характера. Таким образом, литературные образы эмигрантов второй волны не только отражают трагизм и сложность их судьбы, но и подтверждают неразрывную связь с родной культурой и традициями.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили роман «Бунт подсолнечника» Л. Ржевского, сборник рассказов «Любви все возрасты покорны» Р. Березова и сборник очерков «Мой дом» С. Голлербаха. Выбор данных произведений обоснован тем, что в их поэтике находят отражение наиболее значимые вехи жизни русского эмигранта второй волны, позволяющие рассмотреть образ русского человека в период серьезных испытаний: жизнь на Родине в период острых социальных изменений и противостояние тоталитаризму, войну и лагерь Ди-Пи, жизнь в эмиграции на другом континенте. Каждый из исследуемых авторов – представитель советской интеллигенции (филолог, педагог, профессор славистики Л. Ржевский; педагог, в советском прошлом секретарь Детской секции Госиздата Р. Березов; художник, профессор живописи С. Голлербах), оказавшись в США, наделяет своего героя – писателя-эмигранта – автобиографическими чертами, отражая не столько личный опыт, сколько трагедию эмиграции в целом, что наделяет персонажей особым психологизмом. Так, характерной особенностью эмигрантской прозы второй волны становится изображение внутренних противоречий, в основе которых лежит неприятие окружающей действительности – внутренний конфликт, рождающийся из внешнего противостояния окружающей среде на любом из этапов эмигрантской жизни.

В исследовании применяются биографический и сравнительно-типологический методы. Биографический метод позволяет анализировать влияние личного опыта авторов на их произведения, а сравнительно-типологический метод – выявить общие черты и различия в изображении эмигрантской жизни у разных писателей. Синтез данных методов позволяет глубже проанализировать влияние личной истории авторов на их литературные произведения. Таким образом, использование биографического и сравнительно-типологического методов предоставляет возможность не только проследить влияние личных переживаний авторов на их творчество, но и выявить общие тенденции в осмыслении эмигрантской тематики, что способствует более полному пониманию феномена литературы Русского зарубежья.

Результаты и обсуждения

Эмиграционные процессы в России связаны с эпохальными историческими событиями XX столетия, поэтому изображение русского человека, оказавшегося за границей, неотделимо от историософского и бытийного (онтологического) осмысления героя и мира. Персонажи произведений, написанных эмигрантами, не только пытаются выстроить новую жизнь в незнакомой действительности, но и ищут причины, которые привели их в эту точку жизненного пути. Поскольку в основе такого образа лежит автобиографический опыт писателя, герой-эмигрант последовательно воплощает в себе черты героя-интеллигента: склонность к рефлексии, высокие требования к себе и окружающим, творческое восприятие мира, широкий кругозор, а также часто такой герой – художник не только по призванию, но и по профессии. Судьба героя-интеллигента неотделима от страны, потому персонажи, глубоко чувствующими любые изменения в культурном пространстве, так тяжело переживают исторические события. По мнению М.В. Пименовой,

образ писателя символизируется, трансформируясь «в хранителя национальных традиций». Так, образ русского писателя-интеллигента становится образом-символом русской культуры [14]. В диалогах и монологах таких персонажей скрываются авторские рассуждения о собственной жизни и судьбе страны, перед ними остро стоит вопрос самоопределения, а жизненные истории персонажей являются художественным обобщением опыта целого поколения, пережившего драматические события всемирно-исторического масштаба.

Исследователями неоднократно подчеркивалась значимость темы эмиграции в творчестве авторов первой волны [1, 2, 3, 12], однако данная тема является центральной сюжетообразующей и для второй волны. Послевоенная эмиграция, до сих пор малоизученная по ряду внелитературных причин, регулярно осмысляет эмиграционный опыт на страницах своих произведений [3, 12], предоставляя читателям и исследователям возможность глубже погрузиться в культурный контекст середины прошлого века и рассмотреть опыт эмигрантов, как правило, имевших и дореволюционный (иногда очень небольшой), и советский опыт организации общественной жизни.

Изучение творчества авторов-эмигрантов второй волны позволяет решить ряд исследовательских задач, в том числе проследить внутреннюю трансформацию национального характера под влиянием культурно-исторического процесса прошлого века. С.С. Калинин отмечает, что «в отличие от писателей первой волны эмиграции вторая и третья волны не были чужды политике <...> Зачастую героем их произведений становится человек, не сжившийся с советской действительностью» [9, с. 175]. Однако этот тезис справедлив лишь отчасти, поскольку более глубокое представление об исторических процессах, отражающихся на страницах произведений второй волны эмиграции, дает достаточно понимание, что трагедия невозвращения и оторванности от Родины лежит намного глубже, и обличение негативных сторон советской действительности далеко не всегда означает желание добровольно расстаться с ней.

В основе прозы об эмиграции лежат пережитые авторами схожие события: путь эмигранта каждый из писателей начинает в так называемых лагерях Ди-Пи («Лагеря Ди-Пи» – лагеря для перемещенных лиц (displaced person) на территории Германии после Второй мировой войны), а заканчивает в большинстве своём в США («Многие представители второй волны в течение 1945–1951 годов покинули Старый Свет и переехали в Австралию, Южную Америку, в Канаду, но в особенности – в США» [17, с. 11]). Стремления авторов, в подавляющем большинстве воспитанных в советской действительности и оказавшихся «по ту сторону железного занавеса», точно, во всех деталях передать окружающую новую действительность, сопряженное с чувством несправедливости собственной судьбы и ностальгией по родному дому, складывается в особую картину мира, которая отобразится в творчестве целого ряда писателей.

Как известно, эмиграционные процессы XX века в первую очередь связаны с политическими и идеологическими разногласиями творческой интеллигенции и действующей власти, однако эмиграция для второй волны – не просто выбор в пользу смены гражданства, но и зачастую единственный способ избежать репрессий и спасения собственной жизни. Подобные обстоятельства рождают особое мировоззрение: в отличие от первых эмигрантов, до последнего верящих в возможное возвращение домой, вторая эмиграция прощается с Россией навсегда: «Эмигрировать в Америку я и не мечтал, но в Германии оставаться тоже не хотел. Все мы, беженцы, стремились куда-нибудь уехать, боясь дальнейших наступательных действий со стороны Советского Союза. «Приберут большевики всю Западную Европу» – пророчествовали пессимисты. Что ж, все могло случиться», – пишет в одном из своих очерков С. Голлербах [7, с. 86], описывая суровую действительность, в которой находились «пленники Ди-пи». Неоднократно в прозе писателей второй волны отмечается, насколько страшным для них кажется возвращение на Родину. Для большинства авторов Советская Россия неотделима от лишения свободы и ассоциируется с тюрьмами и концентрационными лагерями. Поэтому каждое произведение о жизни в лагере для перемещенных лиц наполнено особым драматизмом: страх пережить репрессии, вернувшись в СССР, вынуждает навсегда попрощаться с прежней жизнью и всеми связями с друзьями и родными.

В произведениях авторов второй волны русской эмиграции художественно убедительно представлена картина жизни бывших советских граждан, оказавшихся в лагерях для перемещённых лиц, так становятся более понятными мотивы, побудившие их отказаться от возвращения на Родину. В лагерях «страшные» (именно так они обозначены в большинстве произведений) слухи о репатриации передавались между «пленниками Ди-Пи» из уст в уста и вынуждали героев решаться на полный отказ от советского прошлого ради минимальных шансов на светлое будущее на Западе. Так, в рассказе «Придворный портретист» С. Голлербаха описан жизненный путь юного художника, которому в фашистском плену было предложено рисовать портреты лагерного начальства и их близких в обмен на улучшение условий содержания. Опасаясь того, что факт даже поверхностного общения с врагами при возвращении в СССР будет основанием для отправки уже в

советские лагеря, бывшие советские граждане скрывали от союзников своё гражданство: «Люди доставали себе фальшивые документы, где местом рождения были указаны Польша, Чехословакия, Бельгия, а не Советский Союз» [8, с. 63].

Похожие сюжеты можно встретить в различных произведениях, созданных авторами второй эмиграции: отказ от собственного прошлого, имени, корней становился едва ли не единственным шансом на невозвращение, а значит, по мнению героев, на свободу от репрессий. «Чувство будущего у меня было убито 22-го июня 1941 года и возродилось только в 1947-48 года, когда исчезла опасность насильственной репатриации», – продолжает рассуждения рассказчик, и в его словах звучит голос целого поколения эмигрантов [8, с. 65]. Так раскрывается особая трагедия русского человека за рубежом, поскольку герой-изгнанник с самого начала эмиграции вынужден находиться в ситуации нравственного выбора и постоянного эмоционального давления, ставя на одну чашу весов свою национальную идентичность, а на другую – физическую безопасность.

Известно, что для понимания собственной идентичности человек оперирует понятиями «свой» – «чужой», поскольку именно в сопоставлении образа собственного народа с другими складывается лучшее понимание себя самого [15, с. 45], и, как мы уже отметили выше, подобные сопоставления являются неотъемлемой чертой литературы, в основе которых лежит жизнь русского человека за рубежом. Заметим, что образ русского человека глазами иностранца в творчестве авторов второй волны эмиграции встретить практически невозможно. Так, С. Голлербах отмечает особую привлекательность русской души для немца: «Впрочем, один из моих приятелей по Академии сказал мне, что "сто диких русских ему милее, чем один пруссак (северный немец)"» [8, с. 65], – рассказывает он в очерках о своём пребывании в оккупационном лагере в Германии, а спустя много лет познакомит читателя с восприятием русских людей американцами в очерке «Мисс Кумпф»: «Я не ошибся в своем выборе – хозяева оказались исключительно милыми людьми, и им несомненно льстило, что у них живет белый человек, да ещё и русский» (Впоследствии я узнал, что Пушкина негры считают «своим», или, во всяком случае, русско-негритянским поэтом. Возможно, мои хозяева знали о Пушкине)» [8, с. 99]. Стоит отметить, что хозяйка дома Мисс Кумпф в силу плохого знания геополитической обстановки складывала впечатление о новых русских жильцах, опираясь только на известные ей стереотипы об СССР, а потому старалась «привить» главному герою понимание свободы и демократии, будучи уверенной, что на Родине он не мог знать, что это такое. Однако нравоучительные наставления юноше-рассказчику были лишены какой-либо неприязни, высокомерия или презрения: напротив, женщина была расположена к русским гостям и всячески старалась помочь им обустроиться на новом месте, а сама искренне гордилась тем, что приютила их. В небольшой автобиографической истории о том, как тяжело попасть «на западную сторону», С. Голлербах неоднократно отмечает, насколько доброжелательны простые горожане к русским эмигрантам и русской культуре, подчеркивая, что высокая нравственность и доброта не имеют национальности. Писатель призывает к культурному диалогу, стараясь объективно изображать национальные характеры идеологически враждующих наций.

Стоит отметить, что в некоторых исследованиях авторов второй волны за претенциозный и обличительный характер изображения репатриации и положительный образ Зарубежья называют орудием холодной войны [13], однако на страницах своих произведений писатели-эмигранты регулярно обращаются к образам из прошлой жизни на Родине, когда-то по разным причинам покинутой, и либо стараются художественно воссоздать новую реальность, схожую с оставленной «за железным занавесом», либо сравнивают жизнь до и после эмиграции, чаще не в пользу последней. Вопреки расхожему мнению о значительной (по сравнению с первой волной) ассимиляции (впервые такая точка зрения была предложена Г. Струве: «Новой эмиграции будет труднее уберечься от денационализации молодежи, поскольку она в большинстве своем оказалась в США, ибо там ассимиляция и денационализация происходят гораздо быстрее» [18, с. 385]), в творчестве авторов второй волны можно неоднократно встретить тезис о желании поддерживать связь с соотечественниками.

Изображению подобного явления посвящена значительная часть творчества писателя Р. Березова, одного из крупнейших прозаиков второй волны. В «американском» периоде своего творчества автор неоднократно упоминает о стремлении русских эмигрантов во что бы то ни стало поддерживать связи с родными и близкими. Например, в рассказе «Добрая душа», посвященном непростой истории эмигрантской семьи, состоящей из русской крестьянки и бывшего дворянина, которого женщина «приютила» из жалости, женщина делится с рассказчиком собственными переживаниями: «Про климат и людей и не спрашивайте: жара несусветная, народ горластый, но податься некуда, стали на новой земле обживаться, стали письма от знакомых получать – из Австралии, Канады, Парагвая, Аргентины, Чили, Америки. О, Господи, куда только не занесло русских!...» [6, с. 84]. Глазами простой русской женщины рисует автор облик далеких экзотических стран, и выбор такого рассказчика неслучаен. Оказавшись из-за войны сначала в Германии, а затем в «Ве-

нецуэле», героиня совсем не радуется своей судьбе: для неё всё не такое, как на Родине, всё хуже, а потому любая возможность поддержать связь с родным домом хотя бы через соотечественников становится для неё единственной отрадой. Однако в словах героини много горечи: имея возможность вести переписку со знакомыми из разных уголков мира, она не может получить весточки от оставшейся на Родине дочери: «Дочка-то моя замуж вышла и там осталась... Ну, известно где, за «занавесом». Неужели он никогда не раздвинется, не подымется, не рухнет?» [12, с. 84]. Р. Березов подчеркивает, что одной из главных трагедий второй эмиграции является полная изоляция от семьи и корней, и из уст женщины-крестьянки, всю жизнь посвятившей себя заботе о доме, земле и семье, слова о разрыве с Родиной звучат с особым трагизмом. Так, мы можем видеть воплощение одной из ярчайших черт русского национального характера – стремление к корням, объединению с народом, желанию вновь обрести чувство сопричастности с Родиной.

Жизнь эмигранта неразрывно связана с национальной самоидентификацией, поскольку человек сталкивается с неизбежным нравственным выбором – поддаться ассимиляции или до последнего сопротивляться ей. В творчестве авторов второй волны эмиграции вопрос о национальной принадлежности приобретает особую остроту именно в связи с вынужденным отказом от «личных» корней. До березовского дела эмигранты попадали в страны Американского континента или получали возможность «осесть» в европейских странах только при условии отказа от биографии советского человека, иногда выдумывая себе личность и родословную. Однако полностью отказаться от сопричастности к своему историческому прошлому невозможно, ведь так или иначе каждый эмигрант является хранителем культурного кода и элементов национального самосознания своего народа.

Поэтому писатели подчеркивают несправедливость собственного положения и изображают эмиграцию как спонтанное, хотя и неизбежное и даже катастрофическое событие. Например, в рассказе «Под крыльями Родины» Р. Березова мы встречаем размышления об уникальности ситуации, в которой оказались герои: «Тогда казалось, что нет ничего лучше нашего села, нашего народа. И на ум никогда не приходило, что цыплёнок вырастет настолько, что захочет выбежать из-под материнских крыльев на простор земного шара, что во второй половине жизненного пути он очутится вне родных пределов. То, что вокруг меня теперь, кажется сновидением, сказкой, фантазией – страны, города, люди, многочисленные встречи, знакомства, новые дружеские связи» [12, с. 78]. Рассказчик раньше не мог даже предположить длительную разлуку с Родиной, которая представляется матерью-наседкой.

И тем более неестественной кажется герою разлука в сознательном возрасте, когда уже есть нажитое, держащее на родной земле. Так, на мифопоэтическом уровне можно говорить об особой реализации мотива блудного сына, когда судьба толкает взрослого отпрыска прочь от отчего дома. Трагизм сложившейся ситуации усиливается тем, что о возвращении не может быть и речи. И мотив блужданий сопровождается мотивами неизбежности и фатальности происходящего: «Судьба-кукушка по всем странам свои яйца рассовала – по жарким и холодным, по южным и северным... Везде появились птенцы-кукушата, клювы разевают, есть просят...» [12, с. 84]. Образ кукушки олицетворяет несчастную, незаботливую мать, вынужденную отказаться от своих детей, именно такой представляется искалеченная Россия, растерявшая миллионы соотечественников в начале и середине века. Таким образом, можно наблюдать обращение к корневым образам русской культуры, от которых не отказывается эмигрант Р. Березов. Писатель обращается к мифопоэтике, присущей культурному пространству Родины, поскольку он всё ещё мыслит именно такими категориями, даже находясь в чужеродном ему культурном окружении.

Авторы, даже оказавшись в эмиграции и отказавшись от своих имен, профессий, семей, друзей, все равно мыслями оставались на Родине, сравнивали свою нынешнюю жизнь с жизнью прошлой, порой даже старались найти что-то похожее, зацепиться за это или воссоздать самостоятельно. Так, С. Голлербах, описывая свое первое впечатление от крупных американских городов, сравнивает их с привычными и понятными образами русских столиц: «Наконец, мы приплыли, но не в Нью-Йорк, где тогда бастовали портовые рабочие, а в аристократический Бостон, этот «Петербург» Америки (по сравнению с купеческим Нью-Йорком – «Москвой»)» [8, с. 87].

В рассказе «На западной стороне», рассуждая о «старом русском Нью-Йорке», в попытке описать его запахи, С. Голлербах погружается в воспоминания о Родине: «В каждом городе они <запахи> свои. Закрыв глаза, я всё ещё могу восстановить в памяти запахи Ленинграда – запах торцов и пригородных железных дров. Помню запахи войны и беженки лагерей – в них всегда воняло чем-то кислым, дымным и горьким» [8, с. 98]. Поразительным образом, почти полностью ассимилировавшись в новой действительности, став её ярким представителем, писатель из раза в раз на страницах своих очерков возвращается к оставленному прошлому. «Если в своем творчестве живописца и графика Голлербах прежде всего американец, то в его прозе он – писатель русский, и именно русский», – писал об авторе соотечественник-эмигрант Б. Филиппов [8].

«Мы (эмигранты) чувствуем творческое одиночество», – делился Л.Д. Ржевский своими размышлениями в письме поэтессе Елене Дубровиной от 6 декабря 1983 года, и это одиночество передавал своим героям вместе с желанием найти истину. Автор стремился передать эмоции, которые испытывает человек, обреченный на разлуку с родной землей. Персонажем, который испытал эти чувства сильнее остальных, является литератор второй волны Сергей Сергеевич из романа Л. Ржевского «Бунт подсолнечника». Для героя оторванность от Родины становится невыносимым испытанием, и он не может определить своё отношение к ситуации, в которой оказался. С одной стороны, Сергей Сергеевич отрицает в себе русскость, стараясь меньше напоминать себе о своем безвыходном положении, с другой – не может полностью порвать свою связь с большой землей: с интересом наблюдает за происходящим в СССР, общается с представителями эмиграции, жадно узнавая от них новости, продолжает активно изучать творчество русских писателей. Даже выбранное для пикника место является настоящим воплощением русского деревенского пейзажа: «Бойкая речка с рыжеватой водой по камням – и вдруг дает кругалю, а на самой луке – избушка, коя есть главный сюрприз: настоящая русская, из бревен в лапу и узорчатая: конек и очелье, сиречь наличники, в резьбе, по фронту пропиленной, с зеленой исподу фольгой. Спереди, как подъезжать, луг заливной, но подле самой избушки две огромных сосны и с десятков некрупных березок, на серой дранкой – как кружево!» [16, с. 138]. В Сергее Сергеече воплощается обобщенный образ русского эмигранта второй волны, неспособного окончательно смириться с утратой родной земли и пытающегося всеми возможными способами что-то сделать со своей раной: убежать от боли и скрыться за маской безразличия или вслед за эмиграцией первой волны устроить «Россию в миниатюре», вдали от метрополии.

Подобная двойственность в восприятии Родины часто встречается в изображении эмигрантов второй волны, выражая одну из отличительных черт этого поколения. Обстоятельства, вынудившие оказаться людей за рубежом, и пережитый до эмиграции советский опыт могут существенно отличаться, рождая полярные точки зрения в отношении России. Подобные дискуссии отразил С. Голлербах в очерке «Устойчивость формы»: «Обязательно напишите о ваших впечатлениях», – просили меня люди, узнавшие, что я побывал в России. «Только не вздумайте писать о вашей поездке, – предупреждали другие. – Что можете вы, старый уже эмигрант, сказать о современной России и о русском народе? Кому нужны сентиментальные описания, а тем более критические рассуждения, сравнения и прогнозы на будущее!» [8, с. 195].

Автор создаёт неоднозначные образы эмигрантов, которые так же, как Сергей Сергееч, двойственны в своём восприятии родной стороны. Одни с жадностью ждут любых подробностей, записанных чутким и внимательным к деталям художником, другие, осознавая, насколько сильно изменилась страна, отказываются от этих ценных крупиц информации, чтобы лишний раз не тревожить душу. Однако герой выбирает рассказать и не жалеет об этом: «И я прикоснулся и узнал Россию. Узнал русские лица, русскую толпу, русское небо, русский пейзаж. Узнал русские улыбки и хмурые взгляды. Я повидал родственников и друзей детства, которых помню, когда им, как и мне, было 16-17 лет, а сейчас под 70» [8, с. 195]. В этом примере полноценно реализуется и раскрывается мотив возвращения домой. Авторская позиция С. Голлербаха однозначна: встреча с родной землей необходима человеку.

Одним из важных сюжетов, встречаемых на страницах эмигрантской прозы второй волны, является встреча двух эмиграций. Если культурные центры первой волны в большинстве своём находились в Европе, то вторая и третья в качестве финальной точки своего странничества преимущественно определяли США, и отмеченное нами выше стремление к объединению с соотечественниками получило новый виток. Встреча бывших советских граждан за рубежом была лишь вопросом времени, и она скоро состоялась, подтолкнув всех участников этого диалога к рефлексии о сходствах и различиях поколений бывших россиян (советских граждан). Как довольно успешный художник, литератор, книжный график и автор статей об искусстве, С. Голлербах лично знал многих деятелей старой эмиграции (среди них И. Олинский, Г. Дерюжинский, М. Вербов, М. Цетлин, А. Худяков, Ф. Рожанковский) и сохранял теплые отношения с представителями второй эмиграции, со многими из которых познакомился ещё в лагерях Ди-пи (в том числе с Л. Ржевским и В. Синкевич). Оттого так часто он в своих очерках обращается к изображению русского творческого сообщества: «По мере того, как уходят представители первой эмиграции (их почти уже и в живых не осталось) и значительно поредела вторая, послевоенная волна, исчезают и забываются многие лица, события и бытовые мелочи того, что в свое время называлось старым русским Нью-Йорком. Правда, появились многочисленные новые эмигранты из Советского Союза и уже существует новый русский Нью-Йорк» [8, с. 95]. Автор отмечает, что к концу 60-х бурлящая «русская жизнь» затихает, оставаясь только в православных русских церквях и на литературных вечерах, и даже новый поток эмигрантов не может полностью его возобновить: в отличие от эмигрантов «старых», «новые» были захвачены так ожидаемой ими свободной жизнью и существенно отличались от предшественников.

В свою очередь, Л. Ржевский, будучи представителем второй волны, общался как с представителями первой, так и третьей волн [11], имея широкое представление о проблемах авторов литературы русского зарубежья в целом. Этот факт нашел отражение в романе «Бунт подсолнечника», основной конфликт которого развивается вокруг взаимодействия двух волн эмиграции: второй, представителем которой является рассказчик и С.С. (Сергей Сергеевич, один из главных героев романа) и третьей, на стороне которой выступает молодой писатель Дима. Их столкновение на территории США лежит в основе конфликта произведения. Каждый представитель ощущает себя чужим, хотя и находится в среде, в которой освоился достаточно давно и удачно.

Не менее трагично складывается и судьба Димы, эмигранта третьей волны, «бунты» которого лежат в основе как сюжета романа, так и его названия. Один из его протестов заставляет читателя совершенно иначе взглянуть на внутренний конфликт персонажа и трагедию третьей волны. Если «вторые эмигранты» были обречены на невозвращение, то эмигранты третьей – на разочарование, которое приводит к личностному и творческому кризису, который предсказывает Сергей Сергеевич: «А может, конечно, в самом в нем, в Подсолнушке, сидит червоточина, очень русская. Откуда она у нас? <...> Боюсь: начнет пить!...» [16, с. 202].

В финале романа Дима действительно запил, стал ходить к психиатру, и, по словам рассказчика, впал в глубочайший кризис. Дима с горечью замечает, что Бунин не создавал эмигрантскую литературу, он дописывал то, что «не дописал дома», что Гюго не знал железных занавесов, что великая русская литература нуждается в первую очередь не в свободе, а в великом русском читателе, и отсутствие такого приводит Диму в ужас: «Написанное здесь оживет только, если дойдет до читателя на родной земле. Но оно не дойдет, и значит – нет воздуха!» [16, с. 213].

Приводя в пример знаменитые слова Пастернака, Дима говорит, что главное в творчестве – самоотдача, но он не может «излучаться в пустоту», Диме как автору необходим читатель, и его отсутствие – одна из центральных трагедий третьей волны, типичным представителем которой и является юный поэт. Бесплодие становится особым мерцающим символом в романе: фактически литературная эмиграция обречена на его аллегорическое воплощение. Молодой творец сравнивает последнюю строчку поэта с последним днем:

«Полет несбыточен при однокрылости.

Ищу читателя, как Божьей милости,

Излиться вовне кому.

Некому!» [16, с. 215].

Человеческое существование по Ржевскому невозможно вдали от родных земель, и человек с такой судьбой не способен быть счастливым, особую же трагедию в историях эмигрантов представляет тот факт, что возвращение на Родину практически невозможно. Встреча двух представителей разных поколений с такими похожими и одновременно разными судьбами – событие невероятное и значимое. Дима намного смелее Сергея Сергеевича и может позволить себе говорить то, о чем Сергей Сергеевич только думает: «Продолжай, продолжай, Подсолнушек! Мы слушаем со вниманием и, кто знает! Соберемся вдруг, да и ахнем что-нибудь на твою тему!» [16, с. 142].

Героев, а в их лицах и оба поколения эмиграции тянет друг к другу: они встретили близких по духу людей, жаждут выговориться, находя понимающих слушателей. Поэтому их монологи о своем жизненном пути столь насыщены и эмоциональны, они ищут вдали от России то, что потеряли на Родине, и пытаются найти друг в друге. Так, для Л.Д. Ржевского проблема взаимоотношений двух поколений неразрывно связана с проблемой одиночества, на которые обречены оба эти поколения.

Выводы

Исследование показало, что в литературе второй волны русской эмиграции образ эмигранта выступает символом русского национального характера. Авторы, рассматриваемые в статье (Л. Ржевский, С. Голлербах, Р. Березов), через автобиографические элементы и жанровое разнообразие своих произведений раскрывают ключевые черты эмигранта: внутренний конфликт, стремление к сохранению национальной идентичности и осознание себя как части культурного наследия Родины. Эти черты становятся важным элементом для понимания эволюции национального самосознания в условиях эмиграции.

Автобиографический компонент, свойственный всем исследованным произведениям, служит не только литературным приемом, но и способом передачи личного опыта эмиграции. Через этот прием писатели создают типологически схожие образы героев-эмигрантов, которые рефлексируют над своей судьбой, утратой связи с Родиной и адаптацией к новой жизни. Это позволяет глубже понять внутренний мир героев, а также отразить исторические реалии эпохи.

Литература второй волны русской эмиграции, в силу её связи с реальными событиями (война, лагеря для перемещенных лиц, адаптация в новых странах), предоставляет уникальную возможность для изучения исторического контекста и культурных трансформаций середины XX века. Произведения этих авторов дополняют исторические исследования и формируют представление о переживаниях и мировоззрении эмигрантов.

В исследованных произведениях выявлены два основных типа героев: герой-жертва, который не может адаптироваться в новой реальности, и герой-созидатель, ищущий способы ассимиляции и созидания в эмиграции. Эти образы являются отражением разных способов принятия эмигрантами своей судьбы и условий жизни.

Исследование выявило двойственное отношение героев к Родине и новой реальности. С одной стороны, герои-эмигранты испытывают глубокую привязанность к Родине, что выражается через ностальгию и попытки сохранить связь с русской культурой. С другой стороны, эмиграция воспринимается ими как вынужденный шаг, позволяющий избежать репрессий или несправедливости. Эта двойственность усиливает трагизм повествования и добавляет глубину образам.

В отличие от первой волны, литература второй волны глубже связана с советским опытом. Это проявляется в характере героев, их жизненных обстоятельствах и восприятии эмиграции. Писатели второй волны осмысливают не только разрыв с Родиной, но и своё положение в контексте идеологических и культурных столкновений XX века.

Литература второй волны эмиграции не только сохраняет связь с традициями русской классической литературы, но и обогащает её новым содержанием. Проблематика идентичности, внутреннего конфликта и культурного диалога, рассматриваемая в произведениях, имеет важное значение для современного понимания русской культуры и её взаимодействия с мировым сообществом. Проза второй волны эмиграции вбирает лучшие черты классической русской литературы и переносит их в новый контекст, превращая культурную изоляцию в уникальный источник художественного вдохновения.

Эмигрантская литература второй волны остаётся недостаточно изученной, особенно в сравнении с первой волной. Будущие исследования могут быть направлены на более детальный анализ отдельных произведений, а также на сравнительное изучение литературного наследия всех волн эмиграции. Это позволит полнее осветить эволюцию русского национального характера в зарубежной литературе.

Таким образом, можно утверждать, что образ героя-эмигранта является одним из вариантов воплощения русского национального характера в XX веке, а проблема оторванности от родной земли – одной из центральных в творчестве второй волны эмиграции. Бытовая ассимиляция не просто не помешала авторам находиться в культурном поле русской литературы, но и лучше понять особенности национального характера русского человека в его сопоставлении с характерами других национальностей. Литература второй волны эмиграции заслуживает быть вписанной в культурно-исторический процесс наряду с другими волнами, поскольку не уступает им в художественной ценности, а также позволяет восстановить целостное представление о культурно-историческом процессе XX века и лучше понять жизнь соотечественников, волей судьбы оказавшихся вдали от Родины.

Можно заключить, что герой-эмигрант в литературе второй волны русской эмиграции является символом русского национального характера и культурного наследия, а тема эмиграции раскрывает сложные процессы самоидентификации и культурного взаимодействия. Литература второй волны заслуживает внимательного изучения за её вклад в осмысление русского национального характера и культурного единства. Данное исследование подтверждает значимость литературного вклада второй волны эмиграции для сохранения и развития русской литературной традиции.

Список источников

1. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996): учеб. пособие для студентов пед. вузов и учащихся сред. учеб. заведений. М.: Терра спорт, 1998. 540 с.
2. Агеносов В.В. Неизданная переписка И.А. и В.Н. Буниных с Л.Д. Ржевским // Грани. 1999. № 191.
3. Бабичева М.Е. Особенности читательского адреса в литературе второй волны русской эмиграции // ТРУДЫ СПБГИК. 2010. № 187. С. 124 – 173.
4. Балабан А.И. Образ эмигранта в творчестве Ирен Немировски и проблема национальной самоидентификации // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 2-4. С. 913 – 916.
5. Баронова М.О. Образы родины и чужбины в прозе литераторов "второй волны" русской эмиграции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 1 (44) С. 54 – 63.
6. Березов Р.М. Любви все возрасты покорны. 1971. 103 с.
7. Голлербах С.Л. Мой дом = Mاما maison: воспоминания и эссе. Париж: Альбатрос, 1994. 196 с.

8. Голлербах С.Л. Свет прямой и отраженный: воспоминания, проза, статьи. Санкт-Петербург: Инапресс, 2003. 872 с.
9. Калинин С.С. Русский писатель-эмигрант как лингвокультурный типаж (набросок лингвокультурологического исследования) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 173 – 177.
10. Кузнецова Е.И. Культура «Российского зарубежья» «Второй волны»: задачи историографии // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 147 – 154.
11. Кулешова О.В. Духовный мир ушедшей России в произведениях писателей-эмигрантов // Вестник культурологии. 2018. № 4 (87). С. 29 – 41.
12. Леденёв А.В. Литература первой волны эмиграции: основные тенденции литературного процесса // Русское зарубежье. 2013. № 2. С. 116 – 136.
13. Журавлев В.В. Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия // Институт общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2009. 703 с.
14. Пименова М.В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
15. Полякова Л.В. Проблемная ситуация в современной литературоведческой терминологии: «Национальная идентичность» // Вестник ТГУ. 2012. № 2. С. 43 – 52.
16. Ржевский Л.Д. Бунт подсолнечника. Mich.: Эрмитаж, 1981. 235 с.
17. Сотников С.А. Русская эмиграция XX века // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 3. С. 8 – 14.
18. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж, 1996. 446 с.

References

1. Agenosov V.V. Literature of the Russian Diaspora (1918-1996): a textbook for students of pedagogical universities and pupils of secondary educational institutions. Moscow: Terra Sport, 1998. 540 p.
2. Agenosov V.V. Unpublished correspondence of I.A. and V.N. Bunin with L.D. Rzhevsky. Grani. 1999. No. 191.
3. Babicheva M.E. Features of the reader's address in the book of the second wave of Russian emigration. RUDY SPbGIK. 2010. No. 187. P. 124 – 173.
4. Balaban A.I. The image of the emigrant in the works of Irene Nemirovsky and the problem of national self-identification. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 2-4. P. 913 – 916.
5. Baronova M.O. Images of Homeland and Foreign Land in the Prose of Writers of the “Second Wave” of Russian Emigration. Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Art. 2022. No. 1 (44) P. 54 – 63.
6. Berezov R.M. Submissive to Love of All Ages. 1971. 103 p.
7. Gollerbach S.L. My Home = Mamaison: Memories and Essence. Paris: Albatross, 1994. 196 p.
8. Gollerbach S.L. Direct and Reflected Light: Memories, Prose, Articles. St. Petersburg: Inapress, 2003. 872 p.
9. Kalinin S.S. Russian émigré writer as a linguacultural type (a sketch of a linguacultural study). Lingvo-rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects. 2015. No. 20. P. 173 – 177.
10. Kuznetsova E.I. Culture of the “Russian Abroad” of the “Second Wave”: tasks of historiography. Bulletin of Tula State University. Humanities. 2011. No. 2. P. 147 – 154.
11. Kuleshova O.V. Spiritual world of bygone Russia in the works of émigré writers. Bulletin of Cultural Studies. 2018. No. 4 (87). P. 29 – 41.
12. Ledenev A.V. Literature of the first waves of emigration: main trends in the literary process. Russian Abroad. 2013. No. 2. P. 116 – 136.
13. Zhuravlev V.V. Social Thought of the Russian Diaspora: Encyclopedia. Institute of Social Thought. Moscow: ROSSPEN, 2009. 703 p.
14. Name M.V. Concept of the Heart: Image. Concept. Symbol. Series “Conceptual Studies”. Iss. 9. Kemerovo: KemSU, 2007. 500 p.
15. Polyakova L.V. Problem Situation in Modern Literary Terminology: “National Identity”. Bulletin of TSU. 2012. No. 2. P. 43 – 52.
16. Rzhevsky L.D. Sunflower Revolt. Michigan: Hermitage, 1981. 235 p.

17. Sotnikov S.A. Russian emigration of the twentieth century. Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Services. 2010. No. 3. P. 8 – 14.
18. Struve G.P. Russian literature in exile: an attempt at a historical review of foreign literature. Paris, 1996. 446 p.

Информация об авторах

Коновалов А.А., кандидат филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, aa.konovarov@mpgu.su

Петрова А.А., Московский педагогический государственный университет, nroslavceva@gmail.com

© Коновалов А.А., Петрова А.А., 2025